

Роман Комаров

Космический учитель

Роман Комаров
Космический учитель

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Комаров Р. Е.

Космический учитель / Р. Е. Комаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Встреча с внеземным разумом! Человечество давно об этом мечтало, и вот инопланетяне прилетели, но не могут сказать ни слова и вообще странные личности. Чтобы войти с ним в контакт, надо научить их земному языку. Так появились космические школы, в одну из которых пристроился на работу молодой и предприимчивый землянин Михаил Смирнов. Но не все так просто. Язык дается инопланетянам с трудом, а ведь еще надо готовить отчетные концерты для Минобра, кинуть на педсоветах, проводить конференции, воевать с зелеными человечками и спасать мир от катастрофы. Тут нужен истинный герой, который умеет изменять слова по падежам и знает, где стоит ударение

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	19
Глава 4.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1.

Директор Космической школы языков, убеленный сединами профессор Виноградов, взглянув на меня, чуть нахмурил густые брови и принялся рыться в бумажках.

– Я отсылал резюме с биометрией вашему секретарю, – робко сказал я. – Еще неделю назад.

– Видел, знаю. Погодите, сейчас найду.

И он вытащил из старинной папки «Дело» с мохнатыми завязками черно-белые распечатки. Моя прекрасная голограмма, на которой я себе так нравился, превратилась в пятно, где нос неотличим от уха, а тело похоже на Сатурн со всеми его кольцами.

– Работаю по старинке, не доверяю всем этим летучим окнам, – ворчливо сказал профессор. – Итак, юноша, вы окончили Лингвистический университет в 2112 году. И что вы делали два года после выпуска?

– Занимался исследованиями, – бодро сказал я, лихорадочно думая, установлен ли в офисе школы дистанционный полиграф.

Нет, сказанное мной не было совсем уж откровенной ложью. Я исследовал. Исследовал возможности зарабатывать на жизнь, не сильно при этом утруждаясь. Сначала я открыл сетевой магазин по продаже цефеанских ротовых слизней для очистки языка и десен. Быстро прогорел. Потом организовал лотерею, главным призом в которой был стул-эвакуатор моего собственного изобретения. Я так и не понял, почему не нашлось желающих им завладеть. Мой стул был способен анализировать уровень тревоги владельца и в случае опасности первым удирал из помещения. По его поведению можно было понять, стоит ли спасаться или можно еще немного попить чай. Я с трудом продал три лотерейных билета – их все купил сосед, в благодарность за то, что я подтянул его брата по космолингве и спас от отчисления из Института биотехнологий, довольно престижного заведения, куда попадали немногие. Я сам туда не попал, если что.

Когда подходил к концу второй год моего сидения дома, отец поставил на холодильник код и отсек меня от питания. Я взял себя в руки, постригся, сходил в голографический салон и сделал приличный снимок, после чего сел составлять резюме. Вышло небогато. Пока я уныло менял формулировки, всплыло окно рекламы: «Горящие вакансии в Космическую школу языков. Если вы молоды, полны сил и хотите установить настоящий контакт с инопланетянами, спешите к нам!» Я и поспешил.

Дребезжащий голос профессора Виноградова вернул меня к реальности.

– У вас профильное образование, это плюс. Вы проходили практику преподавания языков?

– Да, на седьмом курсе. У меня высший балл за конспект урока.

– А с инопланетянами имели дело?

– Нет, только с людьми.

– Юноша, – сказал профессор Виноградов. – Вы понимаете, что наша школа – визитная карточка человечества? Мы не просто учим инопланетян связной речи. Мы открываем им окно на Землю! Это священная миссия, возложенная на нас президентом!

Дальше он еще много чего сказал, но я уже понимал: меня возьмут. С кадрами у школы было плохо. С тех пор как карманные конверторы речи подешевели, интерес инопланетян к изучению человеческих языков упал. Школы начали разоряться одна за другой, сохранились только те, которые жили на правительственные дотации. А потом из-за неверного перевода чуть не случилась война между Землей и Проксимой-3, после чего появилась идея переоборудовать под школы старые туристические космолайнеры и облетать обитаемые планеты, привлекая клиентов с близкого расстояния. Ко всему прочему на таких кораблях работали неплохие спа-салоны. Языковой бизнес оживился. Стало не хватать хороших учителей, а потом – даже

средних и плохих. Дошло до того, что языки инопланетянам преподавали все кому не лень. Теперь не лень стало и мне, а я, на минуточку, дипломированный переводчик с центаврианского и нозеанского. Правда, со словарем. Зато в совершенстве владею космолингвой.

Пока я делал вид, что слушаю профессора, а профессор делал вид, что говорит важные вещи, вошла секретарша и сказала:

– К вам Ульдмаар Секундус. С ним толстожал.

– В наморднике? – заволновался профессор.

Секретарша неуверенно кивнула.

– Тогда пустите. А вы, – тут профессор опять посмотрел на меня и соединил брови в одну непрерывную линию – собирайте чемодан. Катер школы будет ждать вас в космопорту «Бородино». Старт завтра, в шесть. Полетим вместе. Учебный план вам перешлют по почте, извольте ознакомиться.

– А зарплата? – спросил я. – С зарплатой-то что?

Профессор укоризненного покачал головой:

– Преподавание языков – это священная миссия...

– Стойте! Про миссию я уже слышал. Она ведь оплачивается, верно?

– Верно. Но вы должны понимать, что в нашем деле работают энтузиасты, которые живут языком, дышат им.

– А чем они питаются?

– Питание за счет школы, – торопливо сказал профессор. – Плюс сто кредитов за каждый проведенный урок.

– Сколько? – спросил я, не веря своим ушам. – Нет, спасибо, я лучше пойду.

– Стойте! Сто кредитов – это начинающим, а вам... положим, двести пятьдесят. И возможность перехода через год в административный состав, там оклад десять тысяч. Не все на Земле такие деньги получают.

«Да уж, не все», – подумал я, а вслух сказал:

– Уговорили. До встречи, профессор!

На выходе я столкнулся нос к носу с молодым центаврианином, который катил за собой на биоверевке огромную тушу толстожала. При виде меня толстожал откинул дыхательную крышку и впрыснул в воздух слабый нейропаралитик. А я взял и не отравился, потому что с утра принял на всякий случай три таблетки антидота. Мама беспокоилась, что я могу надыхаться в приемной школы инопланетных газов, и пыталась скормить мне все содержимое нашего аптечного ящичка. Я уговорил ее выбрать что-то одно и, как ни странно, оно пригложилось!

– Ты простить мной животныя, – услышался пропущенный через речевой конвертер голос центаврианина. – Быть голоден, потом сушь. Нервический полюс незнакомства.

– Да ничего, ничего, – сказал я, отступая к двери и не выпуская тварь из поля зрения. Обычно после распыскивания яда толстожал выстреливает в жертву парой-тройкой забрюшных игл. Но в этот раз обошлось, и я сумел выбраться из офиса целым и невредимым. Вообще давно шла речь о том, чтобы запретить центаврианам привозить на Землю толстожалов, на этой почве шли мощные распри в Галанете. Многие, и я в том числе, считали, что пора уже начать ущемлять права инопланетян, хотя бы в отношении выгула опасных питомцев.

Дома я открыл файл с учебным планом и немного приободрился. Мне предстояло вести уроки человеческой культуры в группах инопланетян, уже немного владеющих космолингвой. Двадцать голосовых часов в неделю, шесть – на контрольные работы, в конце – зачет. Я должен рассказать про освоение людьми космоса, про национальные обычаи Доминиона и обязательно разучить песню – на выбор из списка. В моей группе было трое гуманоидов – центаврианка, альдебарранец и цефеанин, а также четверо негуманоидов – маточный рой шуршунов из системы Прочиона, ретро-хордовый шар с Бетельгейзе, полууксовый волножитель и гигантская

бактерия с Проксимы-3. Я уже их боялся. Особенно волножителя – об этих существах мало что известно, и видны они только в специальных очках, которые преподавателям не полагались.

Подготовка первого, пробного урока заняла у меня остаток дня. Вещи я собирал в страшной спешке. Впрочем, что мне могло понадобиться на космолайнере? Три комплекта одежды, самоочищающееся белье, гигиенический набор, пульсопланшет – все это уместилось в небольшой рюкзак. Последним я сунул слегка плешивый глобус на деревянной подставке. Украшу им преподавательскую каюту.

Уже на катере я вспомнил о том, что не попрощался с Катей. Мы вроде как пробовали встречаться, но после провала лотереи она стала реже звонить, а потом и вовсе пропала на несколько недель. Вот она удивится, когда я ей пошлю голограмму с моего нового места работы! Может, поймет наконец, что у меня большие перспективы.

Подлетая к космолайнеру «Богатырь Микула Селянинович», катер заложил крутой вираж, и я больно ударился лбом об иллюминатор, в который смотрел безотрывно, потому что сидящий рядом профессор Виноградов уже битый час трещал про важность транслингвистической экстраполяции и метаязыковой дистинкции. В студенческие годы я прогуливал теоретические дисциплины – все равно чушь несусветная. Практика куда важнее. Да и вообще, чем больше умных слов, тем меньше смысла. Думаю, с таким подходом из меня получится незадуманный учитель языка.

По прилету меня взял в оборот менеджер Николай, юркий парень с повадками уличного зазывалы, который показал мне учительскую каюту, аудиторию, звуковые тренажеры, столовую, кинозал, спа-отсек и святая святых – туалет для инопланетян. В столовой я мельком увидел капитана, грузного мужчину неопределенных лет. Он наслаждался ужином в окружении помощников и что-то вещал, размахивая вибровилкой, на которую был насажен центаврианский лжеарбуз, деликатес, поедаемый живьем. Лжеарбуз шевелил усиками и пытался сбежать. Помощник капитана слегка придерживал его мизинцем, дожидаясь, пока шеф перейдет от слов к делу. Я напрягся. Если тут подают к столу такое, долго я не протяну. У меня стойкая аллергия на инопланетные продукты. Да я только от одного их вида покрываюсь сыпью! Дурак я, дурак! Надо было взять с собой запас тушенки.

Коллеги мне тоже не очень понравились. Нет, они приняли меня дружелюбно, но по ним было видно, что работа их изрядно утомила, и если бы они могли, то оказались бы в тысяче парсеков от этой школы. Одна из преподавательниц истории человечества, красавица Мелани Меррик, крупно написала голографическим маркером «беги!», и рассмеялся только я один. Тем временем менеджер Николай развернул множество виртуальных окон и принялся знакомить меня с материально-технической базой: учебниками, рабочими тетрадями, коллекцией картинок, видео, музыки и учебных игр. Я получил доступ второго уровня к базе данных школы, и теперь мог видеть, кто кого учит и какие замены в расписании будут в ближайшие дни. Внезапно мне стало так грустно, что хоть волком вой. Я ушел из учительской, залез в спальный отсек в каюте и попытался забыться во сне.

На свой первый урок с инопланетянами я едва тащил ноги. Меня била дрожь, хотелось бросить эту работу и удрать домой, на Землю. С чего начать? С повторения алфавита? Сразу с песни? По плану у меня было знакомство, потом слайды из музея культур Доминиона с подробными комментариями, но теперь я был готов все поменять в последнюю секунду. В желудке засвербело, лоб покрылся холодным потом. Что они подумают о человечестве, увидев меня? Опозорю всех, от Адама до недавно избранного президента Доминиона Расула Махмудова.

Я сделал глубокий вдох и открыл дверь в аудиторию. Двести двенадцать пар глаз, восемь световых отверстий, три бинокюляра и один монохромный спектрометр уставились на меня.

– Здравствуй! – неуверенно сказал я.

Ученики подхватили приветствие каждый на свой лад. Центаврианка поклонилась, альдебаранец направил в мою сторону струйку конденсата, цефеанин лег на пол, шар выкатился

из-за стола и пропищал несколько слов на родном языке, рой оживленно зажужжал, а бактерия равнодушно махнула стрекательным жгутиком. Волножителя нигде не было видно, но в списке присутствующих он отмечился, значит, затаился рядом.

– Давайте познакомимся. Меня зовут Михаил Смирнов, я ваш новый учитель человеческой культуры и космолингвы. А как вас зовут? – обратился я к цефеанину, все еще лежащему на полу.

– Нрд Пркж Ммв, – ответил он, привставая и стряхивая с боков отмершие чешуйки. – Учитель очень Михаил мне приятно.

Хоть в его сертификате и было заявлено знание космолингвы на базовом уровне, некоторые пробелы в грамматике заполнить бы не помешало.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся я как можно шире, и с ужасом заметил, что шар с Бетельгейзе распахнул зубастую пасть и щерится в мою сторону с нескрываемым аппетитом. Рука сама собой потянулась к тревожной кнопке на пульсопланшете. Спокойно, Миша, спокойно! Шар травоядный, если верить Галакипедии, а она, как известно, врет только избранным. Я повернулся к центаврианке и спросил:

– А как вас зовут?

– Мармала Хтриошма, – нежно пропела она. – Вы знаете, я в этом классе по ошибке. Мою группу расформировали, а меня временно перевели к вам. Давайте я ходить не буду, просто отмечусь и уйду?

– Так дело не пойдет! – сурово произнес я, давая понять, что никому спуску давать не намерен, тем более что моя зарплата косвенно зависела от количества народа в группе. – Я вам буду давать задания повышенной сложности. Можете пока написать эссе на тему «Космос как пространство дружбы». Сто пятьдесят строк. На космолингве, конечно.

Центаврианка вздохнула, развернула виртуальное окно и принялась с кислым видом набирать текст. Толстожал под ее столом вздрагивал во сне. Она беспечно пинала его пятью правыми и шестью левыми ногами.

– А как вас зовут? – обратился я к альдебарранцу. Его бионический скафандр напоминал средних размеров гроб с соплами в разные стороны.

– У, – глухо сказал альдебарранец.

– Гм, очень приятно.

Хорошее все-таки имя. Коротко и по делу. Посмотришь на такого, и сразу ясно, что перед тобой У.

Рой шуршунов нетерпеливо летал вокруг своей парты. От их гудения у меня начала болеть голова.

– Как вас зовут? – спросил я, обращаясь сразу ко всем, и вскоре пожалел о том, что вообще открыл рот.

– Гж, – сказал один шуршун.

– Дж, – сказал второй.

– Мж.

– Вж.

– Бж.

– Зж...

Все заскучали уже на тридцатом шуршуне. К сотому альдебарранец затрясся в своем скафандре, а цефеанин высунул раздвоенный язык и принялся поглаживать им нижние веки. Говорят, так они обычно делают перед боем.

– Спасибо, – прервал я шуршунов. – Очень и очень приятно. Правда. Дознакомимся в следующий раз. Вы только не забудьте, на ком мы остановились.

Рой разделился на две части: представившиеся отлетели в одну сторону, непредставившиеся – в другую. Я повернулся к бактерии и попробовал наладить с ней контакт, но она упорно молчала, покрывая парту серой слизью. Пришлось отстать.

– А я Снорри, – пискнул шар и мигнул бинокюлярами. – Как я так что но Снорри. Быстро Снорри. Я тут и тут и Снорри. Как вы Снорри и не Снорри?

– Ээээ, что? – спросил я озадаченно.

– Шибко Снорри но я и я. А вы Снорри где. Вот Снорри сюда кто в чем.

– Понятно, – быстро сказал я, ища глазами волножителя. – Шпыш, вы тут?

– Тттаааааа, – раздался шепот с дальней парты. – Ссссдеееееессссь.

Я бодро хлопнул в ладоши:

– Отлично, все на месте. Давайте начнем. Тема сегодняшнего урока – известные земляне. И я вывел на общий экран фото Гагарина.

– Съедобно? – спросил цефеанин.

– Половой житель, – заявил шар с Бетельгейзе. – Размножений. Половой размножений. Желать знать все половой размножений. Желать делать здесь половой размножений. Снорри желать.

Я невольно попятился к стене, заслоня собой Гагарина.

– Это, – сказал я дрожащим голосом – пионер космоса. Он открыл человечеству красоту безвоздушного пространства. Его знают все на Земле. Его именем названы города и села, улицы и площади. Давайте посмотрим короткое видео.

– Половой размножений! – упрямо твердил шар. – Сейчас!

– Послушайте, Снорри. Половое размножение – это непростая тема для землян.

– У вас с ним проблемы? – заинтересовалась центаврианка. – Можно я лучше об этом напишу эссе?

– Нет, – рявкнул я. – Никаких проблем нет. Но мы обычно в аудиториях такое не обсуждаем.

– Почему? – спросил цефеанин. – Мы хочу знать. Показывай быстро. Тема урок меняй-меняй.

– У! – веско добавил альдебарранец, привставая со своего места.

К такому меня жизнь не готовила. Я убрал Гагарина и развернул медицинский плакат с изображением кровеносной системы человека. Пожалуй, бегло объясню про разницу полов и плавно перепопзу на биологически нейтральные темы.

– Вот тут вы видите человека... кхм, в разрезе.

– Съедобно? – спросил цефеанин.

– У! – прогудел альдебарранец.

– Не половой житель, – разочарованно сказал шар, откатываясь подальше. – Снорри грусть плохо.

– Извините, Михаил, а вы уверены, что показываете верный плакат? – спросила центаврианка, вращая глазами против часовой стрелки. – Мне казалось, ваше размножение предполагает наличие двух особей, а тут одна.

– Все верно, но я сначала хотел подготовить вас, дать базу, – смутился я. – Здесь находится сердце, оно направляет биологическую жидкость, называемую кровь, к разным органам. В том числе к половым. Они ниже.

– Ссссертсссее тебе ни хочищца пакойаааа, – вдруг запел волножитель.

– Спасибо, Шпыш, – сказал я. – Вы верно заметили, что сердце играет важную роль в организме человека.

Пока я махал руками, изображая сокращение желудочков, бактерия на первой парте вдруг обмякла. Ее края встопорщились и начали скручиваться, а вакуоли и прочая начинка полезли наружу.

- Вам плохо? – в тревоге спросил я. – Вызвать врача?
- Не стоит, – сказала центаврианка. – Она собралась делиться.
- Делиться? С кем? Черт... то есть размножаться, да? Прямо здесь?
- Она предпочитает делать это на уроках. Говорит, тут удобнее.

Тем временем от бактерии начали отпочковываться комки слизи, в которых угадывались очертания будущих взрослых особей. Шар подкатился поближе, разинул рот и принялся их поедать.

– Снорри! Как вы можете?! Прекратите немедленно! – закричал я. На моих глазах совершалось жуткое убийство инопланетян.

– Фто не так? – спросил шар с набитым ртом. – Снорри вкусно. Голоден и немного жрать. Против? Снорри завтрак нет потом да потом нет.

– Учитель Михаил переживать совсем вряд ли, – успокоил меня цефеанин. – Дети еда. Много дети много еда. Пробовать-угощаться.

Услышав это, рой шурунов стремительно вылетел из аудитории, а альдебарранец открыл в своем гробоскафандре небольшое отверстие и стал всасывать в него новорожденных бактерий. Те отчаянно пищали и пытались уцепиться за мебель. Я снял с себя рубашку, встал на колени и принялся собирать в нее малышей. Центаврианка и цефеанин наблюдали за мной с любопытством.

- Михаил, что вы делаете? – поинтересовалась центаврианка.
 - Не видите? Спасая бактерий!
 - А вы, надеюсь, в курсе, что они для вас ядовиты?
- Я отшвырнул рубашку с бактериями подальше.

– Кроме того, по Уложению Проксимы-3 все рожденные вне родной планеты бактерии подлежат немедленному уничтожению как бракованные. Так что дайте ребятам спокойно поесть.

Ко мне подкатился шар, заглянул в глаза и проскулил:

– Половой размножений пожалуйста. Очень надо. Снорри сейчас. Потом невозможно.

– Нет, – твердо сказал я. – У нас... у нас время кончилось. Всем спасибо, увидимся завтра.

И я стремительно выбежал из класса, оставив инопланетян в недоумении. В учительской меня встретили аплодисментами.

– Мы наблюдали за тобой по трем камерам! – сказала красавица Мелани. – Ты был просто великолепен. Особенно когда снял рубашку.

Я густо покраснел. Позор-то какой! Стыдобища! Под рубашкой у меня была дедовская майка-алкоголичка, талисман на удачу. Я надевал ее на все важные мероприятия, и обычно мне везло. Но не сегодня, не сегодня.

– А лихо ты им задвинул про сердце! – похвалил завуч, Клеман Леклер. – Вот она, истинно землянская находчивость.

– Да-да! – хором грянули остальные. – Молодец!

Благодаря, кланяясь и пожимая руки я планомерно пятился к двери. Через пару мгновений я оказался в коридоре и рванул в сторону каюты. Мне хотелось провалиться сквозь пол и очутиться в открытом космосе. А еще лучше вернуться домой. Я готов на любую работу – хоть вибровилки мыть в придорожном кафе, лишь бы подальше отсюда. Я резким движением развернул экран и стал набирать текст заявления об увольнении по собственному желанию.

С каждой минутой моя решимость падала. Уволюсь, и дальше что? Родители затерроризируют, Катя окончательно отморозится. Денег нет, работы нет, моральный дух на нуле. Нет, надо попробовать продержаться хотя бы еще один денек. Может, втянусь.

Я решил вернуться в учительскую. Сделаю вид, что не сбежал, а просто пошел за глобусом. Он украсит мой личный стол и будет напоминать о светлых днях, проведенных на родине.

Можно и на урок взять в качестве наглядного пособия. Схватив глобус, я вышел в коридор и похолодел от ужаса. Шар с Бетельгейзе, непринужденно катаясь туда-сюда, подждал меня у лифта.

– Что вы тут делаете, Снорри? – спросил я как можно любезнее. – Заблудились?

Но шар проигнорировал мой вопрос. Внезапно из него полезли тонкие щупальца. Они обвились вокруг глобуса и потянули его к себе.

– Это мое! – пропыхтел я, пытаюсь вырвать собственность из лап инопланетянина.

– Размножений! – шипел тот. – Мой размножений. Дать. Сноррии!

– Пустите, это просто глобус.

– Глобус размножений! Давать сейчас и навсегда. Подарок. Любовь сильный. Нуждаться. Мечта каждый Бетельгейзе.

– Мне он тоже нравится, – не сдавался я. – Уберите щупальца! Я спешу.

– Тогда продать, – деловито сказал Снорри. – Два ноль ноль ноль ноль кредит. Доволен и счастлив?

И тут я реально стал доволен и счастлив. Двадцать тысяч кредитов за какой-то старый, облезлый глобус? Да не вопрос!

Снорри щелкнул в воздухе щупальцем, и пульсопланшет завибрировал. Пришло сообщение из банка о зачислении на мой счет внушительной суммы. Я вручил глобус Снорри, и тот, высоко подпрыгивая, скрылся с ним в лифте.

Я махнул ему вслед и вернулся в свою каюту. Развернул рабочие окна, тут же отправил заявление на увольнение профессору Виноградову. Потом сел и написал письмо соседу Аркаше: «Есть тема. Помнишь, ты мне подарил глобус на день рождения? Сможешь достать таких еще? Жду ответа. Завтра прилечу домой».

Кажется, скоро я заживу как человек. Ждите меня, благодарные шары с Бетельгейзе! Я приеду к вам с глобусами. Доступные цены. Гарантия качества. В кредит и в рассрочку. Без наценок, от производителя. Оптом – дешевле.

Глава 2.

В прекрасном настроении я отправился в столовую. Жизнь улыбалась мне, аргонные лампы приветливо светили, встречные студенты, издали завидев учительский стикер на моей рубашке, по мере сил выражали почтение. Летящей походкой я вошел в переполненный зал. Очередь к раздатку была такой длинной, что занимала все свободное пространство между столами. Учителя особых привилегий не имели, и я встал в конец. Передо мной шевелил выхлопной трубой толстый нозеанец, похожий на помесь древнего земного трактора и картошки сорта гигант скороспелый. Сразу видно, выходец с сельскохозяйственной планеты.

– Ffnarple vwvprokaaaz? – вежливо поинтересовался я. По идее, это должно было означать «Вы последний?»

Нозеанец повернулся ко мне и хрипло спросил:

– Cho?

– Vwvprokaaaz ffnarple, – уточнил я, смутно припоминая, что в нозеанском от перестановки слов местами стремительно растет градус вежливости. А я хотел быть с ним вежливым. Тем более что его выхлопная труба уже упиралась мне в грудь.

– Чо надо? Не понимаю я по-вашему, – буркнул нозеанец. – Вон там конец очереди.

И он махнул всем телом в противоположную сторону зала. Благодарить пришлось уже на космолинге. Да, основательно я подзабыл языки. Впрочем, они мне и не понадобятся, а на Бетельгейзе полечу с переводчиком, для солидности и престижа. Глобусами торговать – это вам не шутки!

Пока я стоял в очереди, рядом со мной разыгралась настоящая драма. Двое центавриан пытались съесть земной бутерброд с колбасой. Сначала они его ощупали, вынули колбасу, потыкали в нее вибровилкой, потом в недоумении переглянулись. Колбаса не желала двигаться, она вообще не подавала признаков жизни.

– Мертвая еда? – в ужасе спросил один.

– Может, просто оглушенная? – предположил второй.

– Но где ноги? Почему не убегает?

– Давай подождем. Вдруг ей требуется время, чтобы освоиться?

– Давай.

И они принялись ждать, с надеждой поглядывая на колбасу. Прошло десять минут – ничего не поменялось.

– Она умерла, – горестно заключил первый центаврианин. – Придется выбросить.

Горе на их многоглазых лицах было неподдельным. Целых тридцать кредитов толстожаду под хвост! На Центавре принято есть только то, что шевелится, убегает и активно сопротивляется, попав в рот. Конечно, довести колбасу до такого состояния школьные повара не были способны. Для того-то и придумали раздельное меню: плотоядным расам – одно, травоядным – другое, металлоядным – третье. Людям, согласно традиции, комплексный обед с напитком. Центавриане или ошиблись с заказом, или хотели расширить свои представления о культуре Земли.

Мне стало жаль их.

– Друзья, – сказал я. – Это очень медленный продукт. Он ползет со скоростью миллиметр в час.

– Беззащитный, – тихо сказал второй центаврианин. – Не борется за свою жизнь.

– Отчего же? Борется, еще как! – заверил я. – Если его оставить на несколько дней в одиночестве в теплом месте, а потом съесть, он покажет свой буйный нрав. Поэтому мы, земляне, предпочитаем не дожидаться проблем, и едим его, пока он смирный.

Центавриане оживились, разделили колбасу пополам и принялись энергично жевать.

– На вкус как маринованные почки мю-мезонов, – сказал первый.

– Больше похоже на верхнюю фалангу гастрочервя, – задумчиво откликнулся второй.

Я поежился. Пожалуй, с центаврианской кухней экспериментировать не буду. Моя жизнь только начала налаживаться, а гастрочервь мог запросто вернуть ее на прежний уровень.

Тем временем стоящие передо мной зашевелились, и я продвинулся вперед на пару шагов. По сравнению со мной колбаса была истинным бегуном. Я уже подумывал о том, чтобы вернуться в каюту несолоно хлебавши, как меня окликнула Мелани.

– Михаил, что ж вы там стоите? Идите к нам.

Почти все учителя находились в паре метров от раздатка. Расталкивая возмущенных инопланетян, я двинулся вперед.

– Раздавить мой сестра! – заверещал кто-то под ногами. – Мой любимый левый сестра! О горе!

Я посмотрел вниз. Похожий на жука неизвестный мне инопланетянин, держа на весу сломанную лапку, катался по кафельному полу. Кажется, он серьезно ранен!

– Простите, просите, – бормотал я, пытаясь загнать жука на ладонь. – Я отнесу вас в госпиталь.

– Ах, бросьте! – сказал стоящий рядом интеллигентного вида серебристый вислоног с планеты Ом. – Вы не первый, кто отдал ему сестру. У него новые вырастают.

– Но ему же больно!

– Вовсе нет. Смотрите, он уже ест ваш ноготь.

И действительно, пока я разговаривал, жук обнял несломанными лапками мой палец и принялся за дело – обгрыз сверху ногтевую пластину.

Я сбросил его на пол и решительно зашагал прочь. Мелани с озабоченным видом листала меню. Другие учителя уже взяли обеды и разошлись по столикам.

– Чем кормят? – поинтересовался я.

– Земная кухня сегодня не очень – старший повар заболел. Поэтому только бутерброды. С сыром не бери. Он из молока псевдобыков.

– Кого?

– Это такие сороконожки с Ганимеда. Очень удоинные, потому молоко дешевое. Тут на всем экономят. Я один раз взяла пюре с коглетой, а она оказалась из мяса щелезубых сосонят. Представляешь?

– Нет, – сказал я, с опаской глядя в меню. – А что тогда брать?

– Лично я хуюю, – заявила Мелани. – Поэтому возьму только сок. Его хотя бы делают из земных порошков.

Да уж, если травиться – так родным, отечественным. И все же я рискнул и взял бутерброд с курятиной. На вкус она была, как картон, зато характерно распадалась на волокна, никуда не пыталась сбежать и пахла весьма достоверно. То есть почти ничем не пахла, в отличие от нозеанцев, которые сидели за соседним столиком и усиленно пыхтели, по очереди пытаясь затолкать в необъятные рты колючий плод двудомной водоросли кибищцу.

Вернувшись в каюту, я увидел голосовое сообщение от секретаря профессора Виноградова.

«Прошу срочно явиться в офис 320А. Третья палуба. Код доступа – ФФФ1».

Началось, подумал я с грустью. Сейчас будут умолять остаться, рыдать, обещать повысить зарплату на целых пятьдесят кредитов в месяц. Как отбиться, что сказать? Не справился с обязанностями, прошу отпустить на вольные хлеба? Дома заболела двоюродная собачка зятя сестры мужа, и надо срочно лететь к ней в больницу? Ладно, что-нибудь придумаю по дороге.

Проходя по третьей палубе, я мельком увидел, как Снорри демонстрирует собравшимся вокруг него удивленным шарам мой бывший глобус. У меня сразу отлегло от сердца. И да, пожалуй, буду врать про собачку. Страшно больно, без меня никак не выживет.

Набрав код доступа, я вошел в приемную. Секретарша, грузная женщина с перманентом и в роговых очках, властно указала мне на стул. Я сел. Я насторожился. Образ умирающей собачки медленно гас в моем сознании.

– Михаил Евгеньевич? – спросила секретарша строгим голосом. Таким обычно зачитывают права перед арестом.

– Он... То есть я. Да, это я.

– Мы получили ваше заявление об увольнении. Что вы можете на это сказать?

– Что я увольняюсь, – пролепетал я. – Чрезвычайные обстоятельства. Мне жаль.

– Вам жаль? Чего?

– Ну... увольняться.

– Так не увольняйтесь! – грозно сказала она. – Вы понимаете, в какое положение нас ставите? В школе сорок ставок людьми не охвачено. Работаем в три смены! Вы подставляете коллег!

Я молча изучал ковер под ногами. Интересный все-таки узор. Цветы, птицы. И ворс хороший, добротный, еще не притоптан.

– Почему молчите? – прогремела секретарша.

– Давайте вы меня просто уволите, и я пойду, – сказал я. – Мне правда очень надо домой.

– Вот так, да? Хорошо же! Зайдем с другой стороны. Вы читали наш контракт?

И тут у меня засвербело под ложечкой. Не читал! Подписал не глядя. И как его прочитать, он же огромный, как собрание сочинений первого президента Доминиона. Двадцать семь томов, плюс дополнительный, с комментариями редактора, письмами читателей и справочным аппаратом.

– Читал, – проглотив комок, соврал я. – Местами.

– Так вот, там в некоторых местах, – последнее слово она выделила особо – написано, что вы обязаны отработать два месяца, прежде чем увольняться.

– Сколько? Почему так много?

– Я бы этот срок только увеличила, – сказала секретарша, скрещивая мощные руки на груди. – Извольте выполнять условия контракта.

– Это же рабство какое-то! – закричал я. – А если меня дела зовут на Землю, что тогда?

– Тогда платите штраф в размере десяти месячных зарплат.

Денег на штраф у меня не было. Конечно, если всерьез взяться за глобусы, я быстро себя выкуплю, но их сначала надо где-то добыть, потом привезти на Бетельгейзе. И я в отчаянии застонал.

Секретарша равнодушно смотрела на мои страдания. Вот ведь вредная! Может, заплакать, вдруг ее проймет? Нет, она целиком и полностью сделана из армированного шлакобетона. Такая отдавит жуку всех его левых и правых сестер, и ухом не поведет.

Я встал, выпрямил спину и твердо сказал:

– Заявление забирать не буду. Отработаю два месяца и улечу.

Я хотел красиво, гордо выйти из приемной, но споткнулся о складку ковра, влетел в открывающуюся дверь и отшвырнул к стене Снорри, который пытался вкатиться внутрь. Будь там ворота, получился бы неплохой гол.

– Батюшки! – вопил Снорри, беспорядочно вращая биноклями. – Болезнь! Тела нестерпимый поверхность рана! Снорри ой-ой-ой!

Видно, сегодня на календаре день покалеченных инопланетян. Я встал, отряхнул штаны, потом схватил шар, впихнул его в приемную и направился в каюту. Проиграна битва, но не война. Ничего, потерплю пару месяцев, а там – рвану на свободу, к деньгам, славе и благополучию.

И опять меня ждало письмо! Это уже становится традицией: чуть я за порог – мне в ящик валится корреспонденция. Наверное, Аркаша прислал ответ. Закупил глобусы и ждет от

меня предоплаты. Взволнованный, я развернул окно и увидел, что письмо от Кати. Ага, соскучилась! Не зря я морил ее молчанием. Как говорил один древний поэт, чем меньше женщине мы пишем, тем больше пишет нам она. Или что-то в этом духе.

«Мишка, привет! Ты почему уехал, ничего не сказав? Почему не отвечаешь на звонки?»

Хорошее начало, многообещающее. А перезванивать я все равно не буду. Межпланетная связь стоит таких денег, что дешевле голубей друг другу посылать. Я невольно представил себе голубя в скафандре: вот он с запиской в турборанце упорно летит к Земле, обгоняя кометы. Неплохая идея! И романтично, и на пике технологий. Поразмыслив об этом немного, я нехотя вернулся к письму:

«Я тут поговорила с Аркашей, кстати, мы теперь встречаемся, и он утверждает, что ты решил торговать глобусами. Ты что, идиот?»

На минуту я забыл, как дышать – ртом или через альдебарранские сопла. Или может, не стоит дышать совсем. Катя меня бросила. Бросила! Сама! А я ведь хотел сделать это первый. То есть не хотел, конечно, но если бы захотел – я бы ее опередил. И что теперь? Она ушла – и к кому?! К Аркашке, к этому одноклеточному микроцефалу! Он же до сих пор считает, что на Марсе есть жизнь! Он едва ворочает языком! Он никогда не учил инопланетян!

Зато у него есть собственная квартира, реактивный флэш-кабриолет и солидный счет в банке. Вот значит, как, Катя? Променила меня на презренную воблу капитализма? Я искал, по чему бы мне стукнуть кулаком, но все было жалко. Столик казенный, пульсопланшет новый, рюкзак вообще трогать нельзя – скоро пригодиться. Куда же деть мой гнев? И я зарычал – как зверь, волк или, скажем, медведь. Да, больше было похоже на медведя. Мне понравилось, и я еще немного порычал. Потом продолжил читать.

«Так вот, о чем я подумала. У меня есть глобус Луны. Хочешь, продам? Недорого, как старому другу. Заинтересуешься, пиши. Катя»

И это все?! Я поддернул пальцем край окна – вдруг там внизу какой-нибудь постскрип-тум. Система, видя мои страдания, показала подсказку: «конец сообщения». Нет, дорогая система, тут другое – конец любви! А так хорошо все начиналось.

С другой стороны, Катя подала мне прекрасную идею. Ведь можно развернуться с небывалым размахом! Глобус Земли – товар широкого потребления, масс-маркет, попса. А глобус Луны – эксклюзив, штучка на любителя. Буду предлагать его искушенным шарам, знающим толк в моделях планет. Всегда надо быть на шаг впереди потребителя. Они только вошли во вкус, а я им – новинку, новиночку!

Но радуга, засиявшая перед моим внутренним взором, вдруг съежилась и исчезла. Мне припомнились уроки астрономии, на которых наш учитель Лука Небоходов темпераментно рассказывал о Луне и ее географии: о море Кризисов, заливе Суровости и озере Одиночества. Вот где-то там я и оказался – на депрессивной стороне заштатной планетки. Я расставался с девушками не раз, но с особой жестокостью меня бросили впервые. Дома, на Земле, я бы, конечно, рванул в ближайший клуб и забылся, но в школе забываться было негде и не с кем. Закрутить роман с центаврианкой и ее толстожалом? Пофлиртовать с бактерией? Очаровать медузу-горгону-секретаршу?

Вздвигнув, я выплыл из моря Кризисов и сел на берегу обсушиться. Если не брать в расчет разбитое сердце, дела идут в целом неплохо. Пока я отрабатываю два месяца, обзаведусь клиентурой, налажу бизнес, и тогда Катя сама захочет вернуться. А я – я еще подумаю, брать ли ее назад. Отвернусь, жестокий, и пойду дальше торговать глобусами.

От этих сладких мыслей меня отвлек сигнал внутренней связи. Я нажал кнопку приема.

– Учитель Смирнов, срочно явиться в кабинет директора! – сказал синтетический голос. И хотя интонация была нейтральной и спокойной, меня охватило дурное предчувствие. Кажется, предстоит продолжение взбучки на тему увольнения. Возможно, в этот раз меня пропесочит лично Виноградов. Секретарша свое удовольствие получила, теперь его очередь.

На негнущихся ногах я вошел в приемную. Секретарша все так же восседала за своим столом и с хмурым видом сортировала виртуальные окна, сбрасывая часть из них в корзину. Наверное, она в этот момент воображала себя богом, низвергающим грешников в ад.

Я сел и стал ждать, когда она обратит на меня внимание.

– Пришли? – процедила она сквозь зубы. – У меня к вам серьезный разговор.

– Пожалуйста, – сказал я. – Слушаю.

– Нам поступил тревожный сигнал от учащихся, что вы продаете им нелегальные копии Земли. Это правда?

Похоже, Снорри не просто так сюда заглядывал. Наябедничал, маленький круглый паршивец! Ну, ничего, ничего. Прикатись только на мой урок, я тебе живо покажу, что бывает с колобками, которые наглеют от безнаказанности. Двойкой за семестр ты у меня не отделаешься!

– Понимаете, – сказал я. – Произошло недоразумение. У меня был глобус – самый обычный и вполне лицензионный. Один из моих учеников захотел его приобрести. Мы на законных основаниях совершили сделку. Вот и вся история!

Секретарша сделала резкий жест, как будто прокалывала воздушный шар, и все виртуальные окна исчезли. Вместо них появилось другое – с моим контрактом, оно заняло пространство от пола до потолка, и нависло надо мной, как плохо закрепленная плита на стройке. Я с жадностью стал читать текст. Секретарша презрительно посмотрела на меня и ровным, и оттого еще более жутким голосом, произнесла:

– В пункте номер девятьсот семьдесят пять «Ж» дробь шестьдесят один подписанного вами контракта сказано, что вы не имеете права вступать в торгово-денежные сношения с учащимися школы, в противном случае вас ждет штраф в размере тридцати тысяч кредитов.

– Строго говоря, мы не вступали в сношения, – попытался объяснить я. – Я подарил ему глобус – ну, на день рождения. А он, ученик, отблагодарил меня, как мог.

– Наш юрист смотрит на это дело иначе, – усмехнулась секретарша, смаковавшая каждый момент беседы. – Вы планировали заниматься продажами на борту школы, рассчитывая, что мы не заметим? Вы не первый такой хитренький!

Боже, и здесь я не первый!

– Штраф вам уже выставлен, – продолжала она. – С вашего счета списана вся сумма выручки, плюс вы должны школе десять тысяч кредитов. Они будут изъяты из двух ближайших зарплат.

– То есть вы хотите сказать, что я ничего не получу за два месяца? – воскликнул я.

– Совершенно верно. Ничего! Ни-че-го!

У меня не было слов. Я знал в своей жизни провалы, но этот был особенным – дерзким, стремительным и всепоглощающим.

– Глобус хоть вернете? – с тоской спросил я.

– Нет, конечно! Он собственность ученика. Этот ваш ученик, кстати, явился сюда и потребовал продать ему еще.

Снорри – он такой. Ненасытный.

– И вы вляпали ему штраф, – предположил я.

– За что? Он никаких противоправных действий не совершал. Я скопировала ему координаты музея истории Земли и фабрики по производству глобусов.

«Вот теперь точно конец», – пронеслось в моей голове. Мало того, что они отняли у меня честно заработанное, так еще и на корню погубили молодой бизнес! Кому нужен посредник, когда можно закупаться на фабрике? Черт, черт, черт... Жизнь – под откос. И два месяца рабства в школе, без денег, без перспектив и даже без глобуса.

Я вынес свое обескровленное тело из приемной и направился в сторону бара. Над входом ярко светилась табличка «Рюмочная “Три амебы”». Мы наливаем всем, кроме двоюродных

щих». Я предъявил у стойки учительскую карточку, вскарабкался на стул и потребовал водки. Бармен, едва живой хромоногий дед, принялся копать под стойкой.

– Пей, сынок, – сказал он, ставя передо мной стопку с жидкостью, над которой горело ярко-фиолетовое пламя.

Я выдохнул и опрокинул стопку в рот. У меня потемнело в глазах. Язык прилип к небу, из ноздрей повалил густой пар, на глаза навернулись слезы.

– Кхшто это было? – выкашлял я.

– Бетанская желудковертка, – сказал довольный собой дед. – Выпил, и целый день свободен.

– Это уж точно.

– Повторить?

– Само собой!

И я выпил еще.

– Проблемы? – поинтересовался дед.

Я кивнул.

– Тогда каждая третья порция за счет заведения.

Аллилуйя! Хоть где-то есть нежадные люди! После шестой стопки я взял паузу и сказал:

– Меня сегодня ограбили и бросили. Нет, не так. Сначала бросили, потом ограбили.

– Понимаю, – сказал дед. – У меня был похожий случай. Служил я как-то в седьмом егерском на границе с Проционом-17.

И дед вывалил на меня весь свой запас армейских баек. Меня потихоньку отпускало. Разве у меня проблемы? Так, временные трудности. Не вышло с глобусами – выйдет с футбольными мячами. Они тоже ничего, где надо – круглые. Создам конкурирующую фирму, отвоюю рынок. А Катя – пусть она будет счастлива! Да. Очень и очень счастлива. Я ее отпускаю.

– И вот мы поливаем плазмой этих гадов, – продолжал дед, размахивая палочкой для смешивания коктейлей. – А они прут и прут. Тогда я говорю сержанту Сикорски: нам крышка. Он обнял меня: прощай, брат. Взял в зубы пневмогранату, пополз к гадам и...

– Погиб? – спросил я, делая вид, что сочувствую.

– Нет, тут вошла жена, и я поставил шутер на паузу.

– Не смешно, – сказал я.

– Жаль, – ответил дед. – Я старался.

Я махнул карточкой над считывателем, в унынии думая, что даже пью теперь в кредит, и побрел в каюту. Надеюсь, сегодня больше никаких писем не будет. У меня нет ни сил, ни времени на новые неприятности. Меня ждет работа. Я провел одно короткое, пробное занятие, а завтра уже надо трудиться по полной. Три пары в двух группах, потом классный час, на котором я должен сыграть с учениками в занимательную земную игру. На ум пришло только «съедобное – несъедобное» и прятки. Я притаюсь за шкафом и, пока они меня ищут, глядишь, классный час подойдет к концу.

У каюты меня ждал сюрприз. Рядом с дверью в небрежной позе стояла Мелани. Она читала с пульсопланшета книгу и не заметила моего появления.

– Кого ждешь? – неизящно спросил я, стараясь дышать в сторону. Желудковертка рвалась из меня с неземной силой.

– Миша! – улыбнулась Мелани. – Мы с ребятами скинулись тебе на подарок в честь знакомства. Держи!

И она вручила мне коробочку. В ней гремел и перекатывался небольшой предмет.

– Открой!

Я открыл. На ладонь мне выкатился прозрачный шар, внутри которого был еще один шар.

– Мини-фигурка Снорри? – поинтересовался я. – Мило. И очень в тему.

– Это символ учительского мастерства, – вдохновенно сказала Мелани. – Учитель открывает ученикам мир, приносит себя в жертву науке. Большой шар означает внешнее совершенство, а маленький внутреннее.

Видя мое озадаченное лицо, Мелани рассмеялась:

– Поверил? Извини, это просто брелок. У нас тут работает сувенирная лавка. Мы думали, чего у тебя нет – одежда есть, ручка есть, журнал есть. А вот брелочка в форме шара точно нет! Бери, пользуйся, он магнитный.

И она прилепила шар к стене.

– Ладно, я пошла!

Она вдруг потянулась ко мне, чмокнула в щеку и убежала. Я остался стоять у двери с глупым выражением лица. Нет, все-таки жизнь налаживается! Петляет, заходит в тупики, но потом опять выводит, куда надо. Еще пара ходов, и я буду в дамках. Да что там, я уже дамка! Только об этом пока знаю лишь я один.

Глава 3.

Утром в учительской стоял непрерывный мощный гул, как будто туда залетел рой шуршунов, вооруженный громкоговорителем. Коллеги готовились к урокам, обсуждали расписание и свежие директивы, проговаривали вслух упражнения на дикцию, ругались на новый межгалактический учебный стандарт, перемывали кости ученикам и друг другу, никого не стесняясь. В общем вели себя непринужденно. Я сел за свой стол, развернул окна с планами уроков, скопировал из базы десяток подходящих голограмм, а потом, надев наушники, принялся выбирать песню. Хотелось чего-то зубодробительного, перченого, чтобы у всех перекрыло кислород. Но в списке разрешенных песен было только унылое старье из позапрошлого века. Я запустил рандомайзер, и он остановился на композиции «Миллион алых роз». Держитесь крепче за парты, меломаны!

– Вы слышали, зеленые человечки опять кого-то похитили! – отвлек меня от работы голос учителя труда Джона Брауна.

– Требуешь выкуп? – поинтересовалась Мелани. Она сидела неподалеку от меня и проверяла тесты. Я украдкой подглядывал на нее и думал, как бы половчее организовать свидание. Куда можно сводить девушку на этом корабле? В рюмочную «Три амебы»? В посадочный отсек, посмотреть как швартуется катера?

– Это не их стиль, – сказал Джон. – И знаешь, что интересно, они всегда похищают жертв по алфавиту.

Тут уже и мне стало любопытно:

– В смысле?

– Смотри. Первым они украли некоего Августина Аввакуума. Следующим стал Бенджамин Бекон.

– Хорошая система, – одобрил я. – Сразу ясно, кому опасаться. А теперь кто пострадал?

– Лулумба Лопотунья, известный, между прочим, ксенопсихолог, лауреат премии Фрейда третьей степени.

– Так ему и надо! – мрачно сказал Клеман Леклер, смахивая в сторону недоделанное расписание. – Эти психологи только кредиты из тебя тянут, а толку – чуть. Ходил я к одному такому, когда жена достала. И что? Все равно – развод, дети – на Венере, сам – на бобах. Все жена отсудила.

– А вот новость так новость! – воскликнул Джон, разворачивая перед нами окно с большой голограммой посредине. – На границе системы замечен астероид-убийца. Он врывается в крупные корабли. Двигается в нашу сторону.

– Облетим! – беспечно махнула рукой Мелани.

– Не получится, – возразил Джон. – Астероид меняет траекторию в произвольном порядке. Сейчас к нему направили эскадрилью звездных истребителей. Попробуют расстрелять с близкого расстояния. Если не выйдет, в секторе объявят чрезвычайное положение.

– Джон, а хороших новостей сегодня нет? – раздраженно спросил Леклер. – Каких-нибудь праздников, спасенных котят, пактов о перемирии?

– Я читаю только «Доминион-тудей», они про такое не пишут. Зато у них есть кроссворд. Предлагаю решить его вместе: два по вертикали – акустический прибор шуршунов, аналог сонара.

– Работай уже, – сказала Мелани. – До урока пятнадцать минут.

Джон со вздохом закрыл лишние окна и принялся набрасывать схему табурета голографическим маркером. Я задумался о зеленых человечках. Они, по большому счету, санитары леса, заняты полезным делом. Наверное, стоит подкинуть им мысль о похищении Снорри Сьюки. Без него алфавиту и лично мне станет намного лучше.

И тут прозвенел звонок. Учителя, поставив на беззвучный режим пульсопланшеты, один за другим стали покидать учительскую, в которой остался только я и Леклер.

– Сидишь? – спросил он. – Чего-то ждешь?

– Гласа божьего, – пробормотал я. Идти на урок не хотелось так сильно, что отказали ноги. Честное слово, они вообще перестали шевелиться. Я даже испугался – вдруг парализовало?

– Встань, сын мой, и дуй отсюда! – возвестил Леклер.

И случилось чудо – я поднялся. Я пошел. Но не как воскрешенный, а как вынутый из могилы зомби, который и до своей безвременной кончины не отличался подвижностью в суставах.

Аудитория встретила меня тишиной. Центаврианка Мармала со скукой на лице листала журнал мод. Многоногие несимметричные комбинезоны, жилетки для толстожалов, чехлы на хвост, накладные веки пестрели всеми красками галактики. Рой шуршунов, по-прежнему разделенный на две части, пытался поделить по-братски невесть откуда взявшуюся пыльную тряпку. Цефеанин Нрд подтачивал когти огромным ножом, и под его лапами уже образовалась гора стружки. Бактерия складывала стрекательный жгутик в подобие прически – то пучок изображала, то косичку. Альдебарранец У поочередно продувал сопла. Волножителя Шпыша, как всегда, не было видно. Снорри – и тут мое сердце охватила радость – отсутствовал на уроке по болезни. В справке из медотсека, присланной на мою почту, обозначался диагноз: закисение подъязычной железы. Так ему и надо! Пусть весь закиснет!

Я вышел на середину аудитории, прокашлялся и объявил:

– Тема сегодняшнего урока – земная еда.

Мармала закатила все свои глаза и разочарованно помотала головой. У прекратил продувать сопла и наклонился вперед, делая хватательный жест всеми семью манипуляторами, в том числе брюшным, рудиментарным. Рой выронил тряпку и зажужжал на тон выше. Нрд продолжил обработку когтей как ни в чем не бывало. Шпыш фыркнул откуда-то из-под дальней парты. А бактерия вдруг вытянула вперед свой жгутик и произнесла:

– Еда?

Оказывается, она умеет говорить! Хорошо, хоть эта тема ее заинтересовала. Ничто так не объединяет инопланетян, как потребность поживиться вкусненьким.

– Еда, – озадаченно повторила бактерия. – Михаил – еда?

– Нет, – сказал я как можно спокойнее. – Михаил – учитель, а еда – вот.

И я развернул первую голограмму – тарелку наваристых щей. С удовольствием бы съел, да негде взять.

Мармала смахнула в сторону окно с журналом мод и в недоумении спросила:

– Но зачем вы тогда показываете бассейн?

– Это суп, – сказал я и крупно вывел маркером в воздухе это слово, добавив буквам свечения. – Земное блюдо, широко распространенное. Состав – вода, соль, мясо, овощи.

– Вода? – ужаснулась Мармала.

– Соль? – завизжала бактерия, сжимая вакууоли.

– Мясо? – насторожился Шпыш.

– Овощи? – хмыкнул Нрд.

– У? – протянул У.

Шуршуны посовещались и постановили:

– Не жжжжж.

Видю, тут собрались большие поклонники супа.

– Вкусно! – заверил их я и для убедительности погладил свой живот. Не заметив отклика на лицах моих учеников, я убрал суп и заменил его голограммой котлеты.

– Котлета, – торжественно объявил я. – Обыкновенная. Жарится на масле с двух сторон. Обычно состоит из мяса.

– Знаю, – буркнула Мармала. – Вы едите мертвых животных.

– По отношению к котлете это гуманно, – сказал я. – Мы на Земле придерживаемся принципов ненасильственного поедания.

– Прием пищи – поединок, – возразила центаврианка. – Сражение равных. Сегодня вы едите котлету, а завтра она вас.

Я поперхнулся.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

Пока мы спорили, остальные ученики занялись своими делами. Половину слов в нашем диалоге они не понимали. Я осознал свою ошибку и вернулся исходной теме.

– Рис, – написал я маркером, показывая соответствующую голограмму.

– Это жжж! – хором сказали шуршуны. – Знакомый жжж. Каждый жжж. Рис летать? Рис собирать нектар?

– Нет. Он растение.

Шуршуны в недоумении переглянулись:

– Где цветок? Что опылять?

– Его не надо опылять. Он уже готов. Рис надо варить и есть.

И тут шуршуны нырнули под парту, вытащили оттуда дряхлый бумажный словарь и принялись его листать. Где они добыли этот антиквариат? Украли из музея? Десять шуршунов переворачивало страницы, остальные бегали глазами по строчкам. Координировал действия самый крупный шуршун, по всей видимости, вожак. Его отличал загнутый вверх носик и зеленая жилетка с дырками для крыльев.

– Что вы ищете? – спросил я у него.

– Слово «варить».

– Подождите. Я объясню. Чтобы варить продукты, нужна посуда, вода и нагревательный элемент. Вода доводится до температуры сто градусов Цельсия. Потом туда кладут продукты и держат в воде до готовности.

– Люди делать сложная, – меланхолично заметил Нрд. – Зачем Цельсий? Можно прост. Убить рис, свежевать, вырезать филе.

– У! – вдруг заволновался альдебарранец. – У... у...у...

Я посмотрел на У, потом на голограмму, потом снова на У, пытаюсь понять причины его реакции. Может, он голоден? Вон как сопла поникли, наверное, не завтракал и ослаб.

– Простите, что вы сказали?

– У... у... у... у... у...

– Он пересчитывает рис, – объяснила Мармала. – Количественный сбой. В прошлый раз его так закоротило, когда мисс Меррик показала нам отряд пехотинцев. У вас на голограмме много риса?

– Не риса, а рисинок. Я не считал. Думаю, несколько тысяч.

– Тогда это надолго.

Гудение альдебарранца было громким и надсадным, перекричать его я не мог, поэтому взял паузу. Скучающий волножитель запел: «Тфффа кусоччччиккка кааалпассссски!» Он менял ритм песни так, чтобы «уканье» одноклассника выглядело естественным аккомпанементом.

Тем временем бактерия вслух рассуждала:

– Михаил – еда? Да. Еда – Михаил? Да-да.

– Вы ошибаетесь, – строго сказал я. – Люди несъедобны.

– Откуда вы знаете? – поинтересовалась Мармала. – Пробовали?

– Нет, конечно! Мы на Земле не едим друг друга.

– Я слышать другое, – с сомнением в голосе протянул Нрд. – Вы есть курица. Вы есть корова. Объясняй как?

– Курица и корова – не люди.

– А кто тогда люди?

«Вот, наконец, и начались вопросы посложнее», – подумал я. Пора показать свои знания. И тут я принялся рассказывать им о Платоне, Дарвине, Фрейте, о последних веяниях в философии, о принципах пангуманизма Доминиона, сам удивляясь, как все это задержалось в моей голове. А я, оказывается, эрудит! Дикий и необузданный.

Пока я читал лекцию, шуршуны опять достали свою тряпку, свили из нее гнездо и улеглись туда пирамидкой. Цефеанин раскрыл нож, центаврианка – журнал мод. Одна только бактерия смотрела мне в рот с интересом, и то только потому, что заметила там язык и заинтересовалась его причудливыми движениями. Разозленный, я кликнул файл с «Миллионом алых роз» и врубил звук на максимальную громкость. Ученики вздрогнули и испуганно посмотрели на меня. Шуршуны истерически взвились под потолок, таща за собой гнездо, потом полетели к двери, но я ее предусмотрительно заблокировал.

– Что у вас происходит? – послышался из-за двери голос Леклера. – Динамики сломались?

– Нет! – прокричал я. – Мы любим громкую музыку.

Леклер разблокировал дверь и прищуренным глазом осмотрел учеников.

– Вы мешаете соседней группе. У них контрольная.

Я убавил звук и развернул экран с текстом. Леклер, который уже собирался уйти, вдруг подскочил на месте, как заяц. Между его ног попытался протиснуться Снорри.

– Почему пустить не? Класс внутрь Снорри наружу.

– Проходите, проходите, – смутился Леклер, и, сделав мне предупреждающий знак бровями, скрылся за дверью.

– Железа, – с довольным видом сказал Снорри. – Утро плохо. Доктор трогать Снорри весь. Слизь течение и запрет шмыга. Вирус злобный поражать мозг шупалец селезенка. Таблетка какой разный. Уколы тож. Снорри здоровый. И Снорри здесь где. Михаил учитель рад?

Степень моей радости могли описать только отрицательные числа. Или иррациональные. Какие-нибудь квадратные корни из икса и игрека.

– Проходите, – сказал я.

Снорри добрался до своего места, вынул откуда-то огромный носовой платок и принялся усиленно сморкаться. Песня закончилась, но тишина так и не наступила, потому что Шпыш подхватил мотив и стал, коверкая слова, напевать услышанное. Теперь он пытался синхронизоваться с дудением Снорри.

– Михаил, а в чем суть этой истории? – спросила Мармала. – И что такое розы?

Я показал голограмму. Шуршуны необычайно оживились и принялись кружить над ней, желая немедленно приступить к сбору нектара. Я попытался их отогнать, но они были настроены серьезно. Пришлось убрать голограмму и объяснять на пальцах.

– На Земле существует ритуал. Когда мужчина проявляет интерес к женщине или хочет отблагодарить ее, он дарит цветы.

– Кормовой? – поинтересовался Снорри, не выпуская из шупалец платка.

– Теоретически нет. Конечно, женщина может их съесть, но обычно она ставит букет в вазу.

Мармала поискала в словаре слово «ваза» и недоверчиво посмотрела на меня:

– Тут, кажется, какая-то ошибка. Словарь говорит, что ваза – небольшой сосуд объемом до пятидесяти литров. Как женщина поместила в него миллион цветов? Она их измельчила?

Признаться, я не задумывался над текстом. Действительно, получалось, что для хранения этого невообразимого букета было бы мало и бочки. Собравшись с мыслями, я сказал:

– Земные песни редко описывают реальные ситуации.

– Был это ложь? Гнусен ложь? Недостоверная информация? – возмутился Нрд. – Надо говорить рано зачем поздно. Ухи сложить песня не слушать. Нехорошо делать Михаил учитель. Нарушать честь и братство.

Цефеанин растопырил чешуйки и стал похож на еловую шишку. Я лихорадочно обдумывал, как спасти положение. Если он пойдет и нажалуется на меня, я получу еще один штраф. А мне уже хватит!

– Нрд, все немного не так, – произнес я умиротворяющим голосом. – Песня рассказывает историю, которая часто случается в жизни. Но вы понимаете, иногда нельзя назвать вещи своими именами. Земляне не описывают прямо свои чувства. Они используют намеки.

Цефеанин перевел слово «намеки» и задумчиво свесил на подбородок раздвоенный язык.

– Я понимать правильно цветок быть не цветок?

– В некотором смысле, да.

– Конечно, песня не о цветах! – весело сказала Мармала и так пнула своего толстожала, что тот откатился к дальней стене и перевернулся вверх колесиками. – Как я раньше не догадалась? Вы, земляне, часто говорите, что дети – цветы жизни. Герой песни вошел в период сброса рогов и выносил для любимой миллион эмбрионов! Но стеснялся об этом сказать.

Я окончательно запутался в происходящем. А сброс рогов отозвался в моем сердце нестерпимой болью. Я набрал в грудь побольше воздуха, чтобы объяснить центаврианке, в чем она не права, но тут прозвенел звонок, и я сказал:

– Вот и подошел к концу наш увлекательный урок. Я предлагаю вам подумать над текстом песни дома. К вечеру сегодняшнего дня вы должны прислать мне на почту эссе. Тридцать строк. Темы на выбор: «Мое любимое блюдо» или «Роль цветов в жизни землян и моего народа: сравнительная характеристика». Всем спасибо, все свободны!

Ученики один за другим покидали класс, а я в бессилии развалился на стуле. Впереди у меня еще было две лекции в группе продвинутых кристаллов с метановой планеты Гипериум-451F. Готовиться к занятию не пришлось: все материалы предоставил профессор Виноградов, моя задача – только их озвучить. Но я должен был читать лекцию в противогазе. На нормальные ринопленочные фильтры у школы денег не нашлось, поэтому закупили старинные масочные устройства с классическими хоботками и простыми линзами. Я потренировался в каюте и чуть не умер. А мне три часа надо продержаться, пусть и с перерывом.

Тем не менее лекции прошли успешно. Я потерял сознание всего пять раз. Кристаллы были вежливы, внимательно слушали. К их несомненным плюсам относилось и то, что у них отсутствовали органы речи. На мой взгляд, побольше бы таких учеников! Одно удовольствие работать.

Я вернулся в учительскую, когда там почти никого уже не было. У терминала копалась в документах Мариам Каплан, учительница музыки. Она обучала в основном волножителей и сколотила из них хор, который готовился к выступлению на Земле. Для них уже перестраивали центральный концертный зал в столице Доминиона.

Мелани сидела за столом и грустно пила чай.

– Как денек? – спросил я.

– Достали! – сказала она. – Нет, ты погляди, какую чушь пишут!

И она развернула передо мной окно с сочинением одного из своих учеников. Я пробежал текст по диагонали и улыбнулся.

– А что, получилось остро сюжетно. Особенно тот момент, где говорится, что «Гитлер ратоборствовать в Русь».

– Ох, – простонала Мелани. – И это ведь еще не худшее!

– Вы с ними не дошли пока до истории Доминиона?

– Даже братья за нее не будем. А то меня уволят. Они все понимают не так! Я объясняю, объясняю, а толку нет.

Мне сразу стало легче на душе. Не один я страдаю. Учительский коллектив дружно стонет под гнетом инопланетного тугодумия.

– Предлагаю пойти развеяться, – сказал я непринужденно. – Выпьем по коктейлю?

Мелани посмотрела на меня изумленно и протянула:

– Ну... давай.

Мы вышли из учительской. Любопытная Мариам буравила нас глазами. Сейчас полетит и всем доложит. Надо было сначала заглянуть в контракт: вдруг за романы с другими преподавателями тоже какой-нибудь штраф полагается? В тюрьме «Венерианский централ» и то условия мягче.

Я повел Мелани на пятую палубу в уже знакомую мне рюмочную. Пора открыть красавице непознанный мир желудковертки. Это пойло способно примирить с реальностью любого. Мы повернули за угол и уперлись в глухую стену.

– Странно, – сказал я. – Где «Три амебы»?

– А что это такое? – спросила Мелани.

– Рюмочная. Вчера она была здесь, – я полез смотреть карту. И правда, тупик! Какого черта?!

– Первый раз про нее слышу. Здесь, на корабле, только один бар – «Пьяный ксенос». Он на третьей палубе, у грузового лифта.

Я в недоумении ощупывал стену. Куда делась рюмочная? Где моя желудковертка?

– Послушай, я вчера здесь был. Тут висела реклама, яркая такая.

– Ладно, я тебе верю, – сказала Мелани тоном, которым буйного сумасшедшего уговаривают добровольно надеть беленькую рубашечку с модными длинными рукавами. – Пойдем вниз?

– Нет. Я должен найти мою рюмочную. Она же мне не приснилась!

– Тогда вперед.

Я трижды прошел вдоль стены, пересмотрел планы этажей, вбивал раз за разом в строку поиска слово «амеба» на языках, которые помнил. Ничего! Рюмочная испарилась.

– Пойдем в «Пьяный ксенос», – сдался я, в глубине души надеясь, что просто невнимательно прочитал название, и он окажется тем самым местом, которое я ищу.

Блеклая кривоватая вывеска бара мгновенно разрушила мои надежды. На входе дежурил охранник. Он сканировал клиентов и выдавал им жетоны доступа. Выпивка разливалась автоматами. По жетону ты мог получить три порции пива или одну порцию крепкого напитка, который условно назывался «алкоголь». У инопланетян выбор тоже был не особо богатый. Вислоноги в углу дышали озоном и периодически чесывались. Ретро-хордовые шары угощались соком ямофикуса, бактерии плавали в плодородной смеси, задрав жгутики вверх. Центавриане, вооруженные вибровилками, сражались с галлюциногенным грибом шта. Несколько неизвестных мне инопланетян обступили аппарат, напоминавший счетную панель, и завороченно смотрели на поток бегущих цифр. Двое из них уже бессильно стонали.

Мелани подвела меня к алкомашине, и я взял нам обоим по пиву. Мысль о рюмочной не отпускала меня. Что это было? Сон, видение, розыгрыш? Я понимаю, если бы я увидел рюмочную после желудковертки, но все было до! И бармен, борец с гадами, и высокий стул, на который я карабкался, как на Эверест. Я найду их во что бы то ни стало!

Мелани, сидя рядом со мной, молча пила пиво. Стоп, я же должен занять ее милым разговором!

– Ты любишь цветы? – брякнул я.

– Не очень, – сказала она. – А ты?

– Не знаю. Наверное, не люблю. То есть я к ним ничего не чувствую.

Я с ужасом подумал, что подобного бреда я не нес даже на уроке. Надо выплывать к нормальным темам. Рассказать что-нибудь смешное.

– Ты слышала анекдот? Приходит вислоног к ортопеду...

Но Мелани меня перебила:

– Меня раньше никогда не приглашали на свидания. У нас ведь свидание?

– Да, – неуверенно сказал я. – Мне кажется, это оно.

– Здорово! А я уж думала, в моей жизни такого не случится.

– Но почему? – удивился я. – Я думал, у тебя отбоя нет от парней.

Мелани грустно покачала головой.

– Спасибо, конечно, на добром слове. Но я про себя все давно поняла. Парням я неинтересна, потому что ...

И тут она бросила взгляд куда-то вглубь бара и быстро сказала:

– Подожди, я сейчас вернусь.

И убежала прочь. Я остался один с пустым бокалом пива. Как такая красавица, как Мелани, могла быть одинока? Что с ней не так? Трудное детство, психологические травмы, глубокие комплексы? Ей не везет на хороших парней? Может, она на самом деле инопланетянка, замаскированная под человека? Или экспериментальная модель биоробота, внедренная под прикрытием в обычную школу? Нет, правда в том, что она мужчина, просто качественно переодетый! Все в курсе, даже Леклер. Один лишь я этого не заметил. Господи, какой кошмар!

Когда Мелани вернулась, я уже с ног до головы был покрыт холодным потом.

– Знакомых увидела, – пояснила она с ласковой, чуть извиняющейся улыбкой. – На чем мы остановились?

– На том, почему ты и парни... то есть парни и ты... То есть парень ли ты...

– Ах, да! Я как раз собиралась тебе признаться в чем-то очень важном, – и Мелани густо покраснела. Точно, она парень! Вот я неудачник-то. Кажется, мне срочно пора проверять эссе. Много-много накопилось, за ночь не управлюсь. От нервов у меня слегка заложило уши, как при подъеме на высоту.

– Вот, теперь я это сказала и чувствую себя лучше, – выдохнула Мелани и отхлебнула пива.

Похоже, я слишком уж задумался и пропустил самое важное.

– А что ты сказала?

Мелани удивленно моргнула.

– Ты не слушал?

– Мне в ухо попал комар. Здоровенный.

– Комар? – она опасливо посмотрела по сторонам. – Надо его поймать. А я – я сказала, что не умею играть на скрипке.

– В смысле? – не понял я. – Причем тут это? Я тоже не умею.

– Правда? – воскликнула она, с истинно мужской силой схватив меня за руки. – Значит, мы оба такие?

Нет, чуть не закричал я. Я не такой! У меня Катя была, а может, еще и будет. Я попробовал освободить руки, но Мелани вцепилась в меня мертвой хваткой.

– Миша, как я рада! Мне кажется, я ждала тебя всю жизнь.

– Послушай, – сказал я деревянным голосом. – Ты меня прости, но скрипка... Для меня это принципиальный вопрос. Без нее моя жизнь – ничто, и если ты не умеешь играть на ней, нам не суждено быть вместе.

Мелани ахнула и отпустила меня.

– Какая я дура! Я думала, тебе не важно. Ты казался мне другим, таким... немзыкальным. И я размечталась.

Она резко встала и в слезах направилась к выходу. Что-то в ее словах меня насторожило. Может, я ошибся, и она на самом деле девушка? Обычная девушка, со всем, что девушкам полагается иметь и без всего, чего у девушек обычно нет?

Я побежал за ней.

– Постой! Ты сказала «скрипка»? Я не расслышал, отгонял комара! Мне показалось, ты говорила про «скрепку». У нас на районе принято играть на скрепках. Важнейшая традиция, почти культ.

– Это как? – недоверчиво спросила Мелани, утирая слезы.

– Очень просто. Берешь строительный степлер, вынимаешь из него скрепку, прижимаешь к полу и делаешь бзынь! Получается нота ля.

– И я тоже смогу?

– Уверен! Когда мы полетим ко мне домой, я лично тебя научу. Я у нас главный специалист по скрепкам, авторитет и прочее. А скрипка – кому она нужна? Пусть на ней инопланетяне играют.

– Ура! – крикнула Мелани и бросилась мне в объятия.

Мы посидели в баре еще немного, пока не потратили оба жетона. Слегка приободрившись, Мелани рассказала мне про свое детство и юность. Она родилась в провинции у моря, в экспериментальном городке Тьунтаун, населенном исключительно музыкантами. Они участвовали в масштабном проекте по возвращению будущих Моцартов. Родители Мелани играли в симфоническом оркестре: отец – первая скрипка, мать – тоже скрипка, но не первая. Все шло неплохо, пока не выяснилось, что у их дочери нет музыкального слуха. Мелани честно осваивала гаммы и в школьном ансамбле, сцепив зубы, играла на треугольнике. Когда же пришла пора надежд и грусти нежной, ни один приличный музыкант не хотел с ней встречаться. Тогда она собрала чемодан, села на монорельс и уехала учиться в Доминионский исторический институт. Ей дали место в общежитии, у нее появились подруги. На вечеринке первокурсников она познакомилась с парнем. И как назло, он оказался скрипачом и бросил ее через месяц, сказав, что им не стоит продолжать отношения. Подарки забрал, номер сменил и исчез. После этого Мелани уже не рисковала, подозревая во всех парнях скрытых скрипачей. Окончив институт, она сразу же устроилась сюда, в школу, справедливо полагая, что в космосе тебя никто не осудит за неумение правильно извлекать ноты. И правда, тут в этом смысле было полегче, если не считать Мариам с ее хором, на репетиции которого она таскала всех подряд. А потом появился я – игрок на скрепке, ценитель качественного звука.

Охранник по просьбе бактерий включил музыкальный автомат, и оттуда полилась знакомая мелодия – «Космотвист». Мы с Мелани потанцевали, потом я проводил ее до каюты, получил скромный поцелуй в щеку и направился к себе. Сердце визжало от восторга. Я вошел в каюту и лег на кровать. Пожалуй, не буду сегодня проверять эссе, не хочу портить себе настроение. Я открыл страницу Мелани в журнале учителей и жадно принялся читать все, что там написано. Особенно долго разглядывал строчку «семейное положение – не замужем».

И вдруг кто-то нажал сигнал вызова на моей двери. Я свернул окно и нехотя поплелся открывать. На пороге стоял Снорри. За ним высилась грузовая гироплатформа, заваленная сеном.

– Снорри, потрудитесь объяснить свое поведение! – грозно потребовал я.

– Миллион миллион кормовой цветков для учитель для учитель для учитель Михаил, – пропел Снорри, не попадая в ритм. – Пересчитать тщательность дотошный. Меня выражать интерес и чувства.

Я побагровел. Потом посинел.

– Снорри, вам глобуса мало? Бесстыжий вы шар!

– Ага! – ухмыльнулся он.

– Что вы хотите от меня? – простонал я, раздумывая, какой штраф мне велят, если я отфутболю его прямо в открывающиеся двери лифта.

– Снорри всегда и потому. Но мало Снорри знать человека нет. Чувства благодарить как учитель Михаил счастье за. Глобус размножений и жизнь другой.

Я напрягся изо всех сил, пытаюсь выловить в этой абракадабре толику смысла.

– Вы хотели отблагодарить меня за глобус?

– Да! Снорри да. Благодарить и глобус.

Фух, как камень с души свалился!

– Мне достаточно только слов. Желательно, с хорошей грамматикой, но и без нее сойдет.

А цветы можете оставить себе. У меня все равно нет вазы.

– Снорри проблема решать не вопрос.

И он, запустив щупальце под стог, извлек изящную вазу, на вид очень дорогую и древнюю.

– Послушайте, – сказал я. – Вижу, вы основательно подготовились. И мне правда очень приятно, но я не могу принять ваш подарок. Нас, учителей, за это наказывают штрафами. Нас вообще за все на свете штрафуют.

Снорри принялся искать в словаре слово «штраф».

– Необычный беззаконий! – вскричал он. – Зря Михаил учитель обида но поэтому что хороший добрый вообще.

– А вот наше начальство придерживается другого мнения. Обидеть учителя Михаила – раз плюнуть! Так что, Снорри, верните сено туда, откуда взяли.

Шар вздохнул и направил гироплатформу к лифту. Я закрыл дверь каюты, отключил все средства связи и лег на кровать. Эй, зеленые человечки, прилетайте и украдите меня! Где вы там? Я готов! Я даже рюкзак собирать не буду, так везите. Главное, подальше отсюда. Сил моих больше нет.

Глава 4.

– Коллеги, внимание! – мрачно сказал Леклер, собрав всех учителей после уроков. – Ближится Новый год, а это значит, надо готовить номера ученической самодеятельности. Да, можно уже начинать радоваться, искриться счастьем и излучать позитив. Что вы хотите спросить, Джон?

– А можно не участвовать?

– Можно. Штраф – сорок тысяч кредитов.

Учителя ахнули.

– Шутка, – сказал Леклер. – Просто не дадут премию. Некоторые этого даже не заметят.

И тут он выразительно посмотрел на меня. Вот уже месяц я работал в школе на чистом энтузиазме. В целом я смирился с нищетой, но родителям и коллегам на всякий случай соврал, что решил пожертвовать первые две зарплаты в Галактический фонд мира. Не знаю, поверили ли мне. Судя по всему, отца провести не удалось. Мелани тоже что-то подозревала.

– Итак, – продолжил Леклер похоронным голосом. – Вот список номеров с прошлогоднего утренника. Выступление вислоногов-жонглеров, жучиное катанье на квадратном колесе, комическая сценка шуршунов «Трое в улье, не считая трутня». Хоровод альдебарранцев. Фигурное укладывание чешуи в исполнении цефеанина из пятой группы для особо одаренных. Танец венерианских кваркоглотов «Полечка», в двух частях. Элементы акробатики с применением толстожала – от коллектива центаврианок. Песня волножителей о тревожной молодости.

Каждый новый пункт заставлял учителей бледнеть ровно на один тон. Когда Леклер наконец закончил, перед ним сияли, как свежий снег на Нептуне, наши убитые горем лица.

– В этом году у меня нет талантов, – тихо и без особой надежды сказала Юкико Тамура, преподававшая космолингву звездным блохам. Эти пришельцы давно потеряли собственную планету и обычно прилетали в школу, затаившись среди багажа. Они отличались тем, что каждая блоха запоминала только одно слово, и то не с первого раза. Чтобы поговорить с другими инопланетянами, они собирались в огромную кучу и пищали свое послание на все лады. Юкико особенно любила блоху, которая произносила союз «и». Говорила, что у нее большое будущее в межпланетной дипломатии.

– Ни у кого нет талантов! – рубанул воздух ребром ладони Леклер. – Думаете, у меня в группе одни звезды? Да я с ними даже до глаголов еще не дошел. До сих пор учу папу от мамы отличать.

– У вас же цефеане, они обоеполые, – заметила Мелани.

– Недавно мои протозойцы прямо на уроке сняли броню, – вдруг сказал Джон. – Так у них там такие таланты!

Леклер метнул в его сторону возмущенный взгляд и строго сказал:

– Учтите, на празднике будет присутствовать зам зам замминистра образования.

– Три раза зам? – уточнил я.

– Вроде того, – отмахнулся Леклер. – Наша задача не ударить в грязь лицом, как мы это обычно делаем. Каждый, обратите на это внимание, каждый учитель должен представить хотя бы один номер. Любой. Можно музыкальный, можно спортивный. Вы вот, Михаил, говорят, играете на скрепках. Пожалуйста, можете обучить этому свою группу. Выйдет изящно.

Мои уши вспыхнули, как факел над нефтяной вышкой. Мелани ласково и ободряюще дотронулась до моей руки – мол, не робей, все уже знают. Знают и гордятся.

– Я охладел к скрепкам. Мне больше по душе театр.

– Не вопрос, – сказал Леклер. – Ждем от вас фрагмент из «Гамлета». В вашей группе ведь есть волножитель? Вполне подойдет на роль тени отца.

– А мы исполним гимн мира и согласия! – возвестила Мариам, сверкая очками. – Я как раз транспонировала его в подходящую тональность. Послушайте: а-а-аааа! А-ааа!

– Мы поняли, поняли! – остановил ее Леклер. – Не лишайте нас заранее удовольствия! Мариам мгновенно затихла. Учителя принялись перешептываться.

– Вижу, задача понятна. К концу недели жду от вас названия номеров с кратким описанием происходящего. Репетировать можно в любой день, в свободных аудиториях. Заявки на реквизит и декорации направляйте секретарю, она составит смету.

«Эта составит, мало не покажется!» – подумал я. Пожалуй, «Гамлета» играть нельзя: там нужны костюмы, парики, шпаги. Хотя, я слышал, недавно в открытом космосе прошел Первый безвоздушный фестиваль Шекспира, все актеры были в скафандрах. Чем мы хуже? Альдебарранец, считай, уже готов – хоть сейчас выпускай на сцену.

В глубокой задумчивости я вошел в класс. Возле моего стола скопились ученики и чем-то шуршали.

– Сюрприз! – закричали они, расступаясь.

На столе стоял подарочный пакет, доверху набитый вещами.

– Что это такое? – спросил я в недоумении.

– Сюрприз, – повторили ученики, слегка вразнобой и гораздо менее уверенно.

– Но зачем?

– Благодарить Михаил учитель замечательный и не хотеть другой никогда этот добрый, – за всех ответил Нрд, приветливо растопыривая когти веером.

– Любить беречь мера сил и очень даже, – добавил Снорри.

– Я тронут, – сказал я, с опаской заглядывая в пакет. Там лежал игрушечный робот-трансформер, бутылка пива «Классическое космическое» и вязаная разноцветная шапка, которая не налезла бы даже на бактерию. Дары были заботливо переложены сеном. Видно, Снорри приберег все-таки несколько пучков и дождался подходящего случая от них избавиться.

– Тееееень раштееняаяя груссссный прассссстник, – спел Шпыш и кряхтением изобразил аплодисменты.

– Постойте, но мой день рождения в сентябре, – воскликнул я, отодвигая пакет подальше. – Давайте сделаем вид, что вы ничего не дарили, а в сентябре вы обратно принесете.

– Сентябрь – плохой месяц для подарков, – убежденно сказала Мармала. – Несчастливый. Тем, кто получает подарки в сентябре, вредят планеты.

То-то я думаю, мне в последнее время не везет, а это планеты вредят! Я давно подозревал, что они на меня точат зуб за то, что я сентябрьский. Теперь остается только один выход – собрать волю в кулак и передвинуться на август.

– Друзья, спасибо вам, конечно. Мне приятно, что вы думали обо мне. Но начнем уже урок, у нас сегодня много дел. Прежде всего, тест. Он, как я уже говорил вчера, состоит из ста вопросов и открытой части...

Я осекся. Ученики смотрели на меня, как на вселенское зло, восставшее из черной дыры.

– А как же подарок? – спросила Мармала.

– Да! Как? – возроптали шуршуны, в особенности лидер, прилетевший сегодня в малиновой тужурке.

– То есть вы притащили подарок, чтобы я не проводил тест?

– У, – махнул манипуляторами альдебарранец, показывая, что он не имеет решительно никакого отношения к происходящему.

Атмосфера в классе стала предгрозовой. Ученики повскакивали с мест, крича что-то про насилие, произвол и нарушение прав личности. Снорри нервно катался из угла в угол, ища убежища. Его снедало невыносимое волнение: сено уже дважды оказалось бессильно пленить мое сердце. Толстожал под партой у Мармалы напрягся и приготовился открыть дыхательную крышку по полной. Еще немного, и мне придется эвакуироваться в коридор.

Я поднял руку вверх, требуя тишины.

– Вы правы, тест надо немного отложить. Пришла пора познакомить вас с земными законами. Тема урока «Взятка, подкуп и коррупция». Что сидите? Записывайте!

Следующие полчаса я потратил на то, чтобы объяснить группе, как правильно давать взятки землянам. Нрд невероятно оживился и слушал так, будто от этой информации зависела его жизнь.

– Наш Цефей тоже бывает взятка, – сказал он, когда я на минуту замолк. – Есть два вида. Взятка если цефеанин взять. Датка если цефеанин дать. Важный различий надо соблюдать. Нельзя животный. Нельзя еды. Можно целлофан бурлящий мотор сосулька жесть остатки.

– У нас на Земле предпочитают кредиты, – сказал я. – Поэтому если вы в следующий раз захотите кого-то отблагодарить, остановите свой выбор на них.

– Сколько? – деловито спросил Снорри из-под парты.

– Чем больше, тем лучше, – заверил его я. – Кредитов много не бывает.

– Избыток головной болезня и вор, – возразил шар.

– Тоже верно, – согласился я. – У нас иногда говорят: деньги карман жгут. Ну, а теперь, когда мы разобрались с темой, переходим к тесту.

Я открыл окно и начал раскидывать копии ученикам.

– Михаил, стойте! – взмолилась Мармала.

– Нет и нет, – решительно сказал я. – Тест состоится несмотря ни на что.

– Я не о тесте! У вас одежда горит!

Я глянул вниз и увидел, что низ моей куртки пожирает странное фиолетовое пламя. Я вскрикнул и попытался прихлопнуть его ладонью, но оно вспыхнуло еще сильнее. Тогда я упал на пол и принялся кататься. Рядом пристроился Снорри, с любопытством следящий за моими движениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.